

О.В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА*

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК ОБЪЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Аннотация. В статье представлен анализ изучения феномена элит в современной зарубежной и отечественной политической науке. Предметом изучения стали эволюция элитологии, ее повестка, методологические подходы, тематическая специализация изысканий. На основе изучения массива публикаций автор приходит к выводу, что элитология предстает одной из наиболее развитых субдисциплин отечественной политической науки. Наиболее заметные результаты получены в изучении региональных элит, управленческой бюрократии высшего уровня, в политико-психологическом изучении властных групп. Автор выделяет следующие направления: политико-психологическое, политико-социологическое, компаративное, изучение внутриэлитных отношений.

Ключевые слова: элита; политическая компаративистика; политическая социология; политическая психология.

*** Гаман-Голутвина Оксана Викторовна**, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, Президент Российской ассоциации политической науки, профессор-исследователь НИУ ВШЭ, председатель Федерального учебно-методического объединения по политическим наукам и регионоведению, e-mail: ogaman@mail

Gaman-Golutvina Oxana, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), Russian Political Science Association (Moscow, Russia), National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Federal educational and methodical association of political sciences and regional studies (Moscow, Russia), e-mail: ogaman@mail.ru

O.V. Gaman-Golutvina

Political elites as an object of research in national political science

Abstract. The article presents an analysis of the studies of the elite phenomenon in contemporary foreign and domestic political science. The subject of investigation – the evolution of elitological studies, its agenda, methodological approaches, thematic specialization. On the basis of an array of publications, the author concludes that elitology in the moment is one of the most advanced sub-disciplines of domestic political science. The most significant results were obtained in studies of the regional elite, top-level management of the bureaucracy, in the political-psychological study of power groups. Author identifies the following areas: political-psychological, political, sociological, comparative, study of intra-relationships.

Keywords: elite; comparative politics; political sociology; political psychology.

Обращение к анализу хода и результатов исследований политических элит в отечественной политологии правомерно начать с характеристики, данной одним из пионеров этого направления в нашей стране Г.К. Ашиным, который в начале 2000-х годов сформулировал такую оценку: «Ныне Россия – уже не периферия мировой элитологии, какой она была в советское время, школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит. Еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов, но сейчас она лидирует, по крайней мере, в трех важных областях элитологии – в общей теории элитологии, в истории элитологии... и в области исследований региональных элит» [Ашин, 2006, с. 6–7]. Не случайно сам термин «элитология» стал российской новеллой, хотя и не бесспорной.

Изучение массива отечественных публикаций позволяет выделить несколько содержательных блоков. Во-первых, это относительно немногочисленные работы, посвященные историческим, теоретическим и методологическим аспектам темы. Во-вторых, это изучение сущностных и функциональных особенностей различных сегментов элит (федеральная, региональная, административная, парламентская) посредством использования социологических (теоретических и эмпирических), политико-психологических и политико-компаративных методов. В-третьих, это отношения между различными фракциями элиты. Данная дифференциация определяет структуру статьи.

Изучение политических элит в России

Среди факторов, обусловивших продуктивное развитие элитологии, на наш взгляд, следует, прежде всего, выделить объективное возрастание роли и влияния элит на политические процессы в российском социуме. Парадоксальным образом победное шествие демократии отчасти совпало с «революцией элит». Эта тенденция весьма рельефно проявилась в России в значительном масштабе: в постсоветский период элиты – политические и экономические – предстали важнейшим актором отечественного политического процесса постсоветской России. Целый ряд эмпирических проектов подтверждает, что несмотря на многообразие социальных расколов и размежеваний в современном российском обществе (богатые – бедные; Центр – регионы; идеологические или этно-конфессиональные диверсификации), наиболее значимой демаркационной линией останется дихотомия элиты – внеэлитные массовые группы. Именно доминирование элит стало важнейшим фактором, определившим интерес к элитистской проблематике.

Термин «элита» в нашей стране не использовался вплоть до последнего десятилетия XX в., прежде всего в связи с длительным доминированием марксистской парадигмы, а также в связи с недемократическими коннотациями термина «элита» в доминировавшем дискурсе. Термин не использовался даже для изучения властных групп капиталистического общества и употреблялся исключительно в качестве объекта критики. Использование понятия элиты в отечественном дискурсе 1990-х годов возросло революционно.

Среди факторов, способствовавших успешному развитию отечественной элитологии в течение последних 15 лет, следует назвать также длительное доминирование эгалитарной парадигмы в отечественном общественном сознании, что в соответствии с законами маятника стимулировало развитие альтернативных подходов.

В перечне благоприятных факторов развития направления следует упомянуть также довольно быстрое формирование профильной сети исследователей. Институционализирующими центрами стали Москва, Санкт-Петербург, Пермь (усилиями В.П. Мохова), а также Исследовательский Комитет РАПН «Политические элиты». Не случайно на всех конгрессах РАПН проблематика изучения политических элит и лидерства, как правило, выделялась в качестве самостоятельного направления. Особо следует выделить работу

ежегодного семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», который проводит Социологический институт Санкт-Петербурга совместно с РАПН с 2001 г. Благодаря настойчивости и компетентности А.В. Дуки этот формат сыграл существенную роль в консолидации элитологического сообщества. Система эффективных профессиональных сетей стала матрицей развития элитологии.

Первое в нашей стране исследование – причем эмпирическое – было осуществлено еще в советское время: под руководством профессора А.А. Галкина в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР в начале 1970-х годов. Предметом исследования были динамика изменения и эволюция различных групп правящей элиты США, Великобритании и Германии 1950-х – 1960-х годов. Результаты были опубликованы А.А. Галкиным в Ежегоднике «Рабочий класс в мировом революционном процессе» и частично – в совместной с Бурлацким книге «Современный левиафан» [Бурлацкий, Галкин, 1985].

В том же году вышла книга другого видного ученого Г.К. Ашина, содержащая анализ развития концепций элит в западной политической науке [Ашин, 1985] и положившая начало системному изучению теорий элит в нашей стране.

В течение последующих трех десятилетий изучение элит претерпело значительную эволюцию. Начало 1990-х годов ознаменовалось возрастающими по численности, но невысокими по качеству и крайне фрагментарными с точки зрения методологических и теоретических аспектов публикациями. Следующее десятилетие было посвящено освоению потенциала классических и современных западных теорий элит и интенсивному накоплению эмпирических данных относительно процессов рекрутирования и ротации отечественных элит. В конце 1990-х годов стали появляться систематизированные исследования. Произведенная усилиями А.В. Дуки и его коллег в 2001 г. своеобразная «инвентаризация» сделанного в элитологии с 1990 по 2000 г. включила 460 источников; к концу первого десятилетия нового века это количество превысило 1000. Однако изменения не ограничились количественными показателями: возросло не только число исследователей – сформировалось несколько точек роста субдисциплины [Ашин, 2005, с. 239].

Теоретические и методологические сюжеты в отечественной элитологии

Важным содержательным фактором становления элитологии, структурировавшим ее проблемное поле, стала дискуссия по ключевым теоретическим и методологическим сюжетам: содержание концепта «элита» и возможности его использования в методологическом и прикладном аспектах [Гаман-Голутвина, 1996]. В упомянутой дискуссии можно выделить для аспекта. Первый касается широкой и узкой интерпретации термина «элита». Сторонники «широкой» трактовки полагают, что элита – это высшая страта, существующая в любой системе социальной стратификации, определяющая функционирование и развитие общества в целом или отдельных его подсистем и выступающая ключевым субъектом выработки норм и ценностей общества. В узком смысле концепт «элита» используется для характеристики управленческой, политико-административной категории [Ашин, 2008].

Есть и иные трактовки «узкого» и «широкого» понимания термина «элита». Согласно первому, элита есть исторический социальный субъект, рождающийся в Новое время. Согласно другой позиции, возможно использование термина в более широком значении: элита – это социальная константа всех эпох, сообщество лиц, осуществлявших управление на различных этапах политической эволюции [Мохов, 2007.]. В частности, очевидно, что возникновение и генезис института государства были сопряжены с формированием аффилированной с ним социальной категории, осуществлявшей функции управления. Исследование закономерностей обретения и удержания власти, особенностей рекрутирования и ротации составляет предмет элитологии как комплексной научной дисциплины. Важным этапом дискуссии стало выделение отдельных категорий в структуре элиты (политическая, экономическая, духовно-идеологическая, профессиональные) [Гаман-Голутвина, 2013].

На наш взгляд, востребованность широкой трактовки элиты объясняется тем, что выявление атрибутивных характеристик элит вызывало включение в орбиту рассмотрения их генезис: очевидно, что *процесс* формирования субъекта определяет его *сущность*. И в этом случае оказывается востребованным обобщающий понятийный конструкт, пригодный для «кросстемпорального» исследования, открывающего возможности выявления атрибутивных

характеристик. Комментируя упомянутый сюжет дискуссии, можно отметить, что монополия той или иной позиции вряд ли оправдана; использование того или иного методологического подхода зависит от конкретных исследовательских задач и избранной методологической системы координат. А.В. Дука показал, что в эмпирических и теоретических исследованиях властных элит возможны три не взаимоисключающих типа исследований. Во-первых, элиты могут быть представлены как функциональные группы. Во-вторых, элиты могут быть проанализированы как определенный социальный слой. В-третьих, элиты могут быть рассмотрены как институты. Каждый из указанных вариантов исследований тяготеет к определенным теоретическим основаниям и обладает собственными объяснительными возможностями и ограничениями [Дука, 2005].

Второй сюжет профильной дискуссии касался соотношения ценностного и структурно-функционального подходов к дефиниции. Во многом диссонирующее звучание термина было определено слабой укорененностью функционального подхода в отечественной политической мысли [Тощенко, 2008].

Для прояснения теоретических контекстов элитологии существенное значение имели публикации Г.К. Ашина, который подверг детальному анализу теоретический потенциал классической и современной элитологии, предложив ряд продуктивных подходов к систематизации эвристического потенциала этого наследия [Ашин, 2006]. Предметом исследований в работах Ашина стали содержательная и функциональная специфика элитологии в системе социального знания; генезис элитологии и ее типология; методологические установки элитизма; история российской и американской элитологии. Существенное внимание Г.К. Ашин уделил исследованию возможностей совмещения элитистской парадигмы с демократической, изучению истории, теории и практики элитного образования в США и европейских странах.

Близка этому подходу тематика работы А.П. Кочеткова, который рассматривает исторические и современные практики взаимодействия элитных и массовых групп на различном материале, уделяя особое внимание влиянию элит на характер политического режима применительно к российским реалиям в условиях перехода мирового сообщества в глобально-информационное общество [Кочетков, 2009].

Вклад В.Г. Ледяева в прояснение теоретических аспектов дискуссии определяется, прежде всего, содержащимся в его рабо-

тах основательным анализом классических и современных концепций власти [Ледяев, 2000; Ледяев 2008; Ледяев, 2010; Ледяев, 2012]. В последних по времени публикациях В.Г. Ледяев обращается также к анализу современного российского политического режима. Осуществленный с помощью трех базовых концептов – господства, конфигурации форм власти и эффективности власти, – этот анализ выявляет противоречивость административно-политического класса в качестве субъекта политического господства.

Существенным результатом данной дискуссии можно считать консенсус большинства исследователей (О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Дука, Н.Ю. Лапина, В.Г. Ледяев, А.Е. Чирикова и др.) относительно необходимости отказа от использования нормативного критерия в определении элиты в пользу аналитического подхода в рамках социологических и политических исследований [Гаман-Голутвина, 1996; Дука, 2005; Чирикова, 2008], что способствовало продвижению в изучении процессов элитогенеза.

Следует признать безусловно продуктивными усилия А.В. Дуки по разработке институционального подхода в политико-социологическом анализе властных элит [Институционализация... 2003; Проблемы институционализации... 2003; Элита третьего пути... 2006]. Институционализацию он рассматривает, во-первых, как способ обретения новыми властными группами финансового положения, необходимого для создания социальной дистанции, символических механизмов идентификации и демаркации; во-вторых, как сплочение элиты в условиях разрушения идеологии и механизмов сдерживания конкурирующих групп; в-третьих, как снижение неопределенности во внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии на фоне ослабления традиционных для сообщества нормативных регуляторов. Исследования А.В. Дуки показали, что институциональный фактор связан с общим институциональным дизайном и возникновением структуры институциональных возможностей для появления и закрепления новых институтов. Структурный контекст институционализации властных групп определяет возможности элиты обеспечивать себе легитимизацию, социальную поддержку и социальную базу своего воспроизводства, а борьба за ресурсы выступает необходимым элементом процесса институционализации. При этом монополизация власти является не столько следствием привычки монопольно управлять, сколько необходимостью институционализации элиты: последняя должна структурировать социальное и поли-

тическое пространство «под себя». Представляет интерес также выявление в работах А.В. Дуки функций коррупции в процессе институционализации элиты.

Основатель пермского центра элитологических исследований В.П. Мохов сосредоточил усилия на анализе трансформации проблемного поля элитистских исследований. Мохов разделяет подход Г.К. Ашина в его различении понятий элитизма и элитаризма. На основе изучения современной литературы В.П. Мохов выделил шесть основных значений понятия «элитизм», присутствующих в современном научном дискурсе [Властные элиты... 2004]. В настоящее время В.П. Мохов работает над уточнением критериев циркуляции элит [Мохов, 2014].

Объектами исследований А.М. Старостина [Старостин, 2003] стали уточнение основных принципов элитистской парадигмы; изучение социального и антропологического факторов детерминации элит, цивилизационного своеобразия и принципов циркуляции элит, механизмов элитогенеза, а также разработка проблемы идеалов и норм научной рациональности; выявление методологической референтности исследований. Обобщения в этой области позволили авторам прийти к выводу о формировании в политической науке последнего времени элитологической исследовательской парадигмы [Элиты и будущее России... 2007].

Центральным объектом работ М.Н. Афанасьева стало изучение патрон-клиентских отношений внутри массовых и элитных групп в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе [Афанасьев, 1997]. М.Н. Афанасьев показал, что в условиях быстрой смены привычных ролей и статусов отношения личной зависимости и покровительства остаются устойчивой матрицей социального поведения [Афанасьев, 1996]. Афанасьев показал, что на федеральном и региональном уровнях реальными структурными единицами, образующими ткань властвующей элиты, являются клиенты, положение которых всецело зависит от влиятельности и популярности их лидеров. Однако, на наш взгляд, для данной работы характерна ретроспективная экстраполяция всеобъемлющего в постсоветской России влияния клиентельных отношений на предшествующие исторические периоды.

Особенностью аналитического подхода М.Н. Афанасьева стало включение в политологический дискурс исторического исследования. В связи с этим заметим, что разработка историко-

политических аспектов процессов элитообразования в целом стала важным этапом развития элитологии. Подобного рода исследования способствуют разработке серьезных теоретических подходов к пониманию системных особенностей процессов элитного рекрутинга.

По мнению экспертов, наиболее масштабным концептуальным исследованием с разработкой оригинальной авторской концепции стала работа О.В. Гаман-Голутвиной: «После классических работ по элитам начала XX в. и современных европейских и американских разработок трудно было предположить, что можно написать что-то концептуально новое. Однако это оказалось возможным» [Дука, 2008].

Парадоксальным образом концептуальные интерпретации элитогенеза в постсоветской России оказались невозможными вне широкого исторического контекста. Использование историко-политологического подхода открыло возможности концептуального осмысления современного российского элитогенеза, позволило сформулировать продуктивный методологический подход в исследовании процессов элитообразования, выявляющий определяющее значение моделей социального развития в качестве фактора детерминации элитообразования; определить механизмы взаимосвязи моделей социального развития и моделей элитообразования; разработать типологию процессов элитообразования с ее использованием для сравнительного анализа различных форм элитогенеза [Гаман-Голутвина, 2006]. Осуществленный с использованием обширного исторического материала анализ позволил проследить модификацию базовых принципов рекрутирования субъектов политической власти и представить содержательные интерпретации современного политического процесса [Gaman-Golutvina, 2007]. Разработка корректной методологии исследования позволяет использовать ее для анализа актуальных процессов рекрутирования, ротации и трансформации элит на глобальном и национальном уровне [Гаман-Голутвина, 2012; Смирнов, 2012].

Характеризуя разработку историко-политологического направления, успешными следует признать только некоторые попытки. К числу наиболее серьезных недостатков можно отнести слабое владение методологией и методами *политологических* исследований. Порой авторы *исторических по предмету, методологии и методам* исследований ограничивались использованием термина «элита», полагая, что в этом и заключается политологическое ис-

следование. Ничего, кроме досадного лексического «дребезжания» и очевидного методологического диссонанса, подобные попытки не вызывают.

Завершая краткий эскиз теоретического дискурса отечественных элитологических исследований, следует отметить: плюрализм методологических подходов не является исключительной характеристикой данного направления. Причем множественность теоретико-методологических оснований является не ее недостатком, а достоинством, а разработка новых концептуальных моделей предстает наиболее востребованным – но и наиболее сложным – сюжетом элитологических исследований. При этом необходимость разработки теоретических моделей анализа вызвана не невозможностью использования сформулированных в рамках зарубежной политологии концепций – а дефицитом таких концепций. В современной мировой элитологии накоплен значительный эмпирический материал, однако концептуальное осмысление этого материала остается актуальной задачей. В рамках конгрессов МАПН в 2000–2014 гг. востребованность подобных обобщающих концепций обсуждалась неоднократно.

Элитные группы в фокусе теоретического и эмпирического анализа

Структура элитного пула определила направленность исследовательской рефлексии. Можно выделить следующие объекты изучения: федеральная власть в лице президента, политико-административной бюрократии и парламентского корпуса; региональная администрация (губернаторы, управленческий корпус, персональный состав легислатур); иные сегменты властных групп (массмедиа); модели лидерства. При этом широкое применение находили как теоретические, так и эмпирические методы, что позволяет сгруппировать проведенные исследования на основании использовавшихся методов.

Политико-психологические исследования

Одним из важных направлений изучения лидеров страны и управленческого корпуса является изучение психологического

профиля элит средствами политической психологии. В нашей стране сложилась школа политической психологии, создателем которой стала профессор Е.Б. Шестопал. Становление этой школы в начале 1990-х годов происходило благодаря ее работам, написанным еще в 1980-х [Столбун, Шеркович, 1980]. К концу 1980-х вышли уже серии ее статей и монография «Личность и политика» [Шестопал, 1988]. С 1993 г. ведется преподавание университетского курса. В 1990-е годы вокруг профессора Е.Б. Шестопал сложился круг молодых исследователей и преподавателей, которые разрабатывали проблематику политического восприятия, лидерства, психологии демократии и др. В 2000 г. в МГУ была создана кафедра политической психологии. За 15 лет кафедра стала настоящим научным центром политической психологии со сложившейся школой исследований и международно признанным лидером. С 1993 г. школа Е.Б. Шестопал реализовала немалое число инновационных проектов, ряд из которых имели пролонгированный характер, что позволяло получать уникальные результаты. Основные результаты были изложены в серии индивидуальных монографий Е.Б. Шестопал и книг под ее редакцией [Психология политического восприятия... 2012; Человеческий капитал... 2012; Перспективы развития... 2014]. Она же стала автором первого в стране учебника по политической психологии, изданного в 2002 г. и впоследствии многократно переиздававшегося [Шестопал, 2007]. Подготовлены к печати и до конца т. г. выйдут новые работы: монографии «Путин 3.0. Власть и общество в новейшей истории России» и «Психология российских политических элит». Первая из этих работ выходит на английском языке, в американском издательстве Lexington books.

Следует отметить, что в фокусе политико-психологических исследований были президенты (Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, Д.А. Медведев), премьер-министры (В.С. Черномырдин), ведущие парламентские политики (Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский, О.В. Морозов, Н.В. Левичев, С.В. Миронов и др.), многие губернаторы и иные влиятельные фигуры. Особо следует отметить коллективную монографию «Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ», в которой предметом изучения стали типы социализации, мотивационный профиль, Я-концепция (совокупность представлений политиков о себе), поведенческий стиль, политические ценности, статусно-ролевые и социально-демографические характеристики представителей элиты.

Термин «человеческий капитал», по мнению экспертов, не вполне удачен в силу излишнего прагматизма. Но при всех недостатках данный концепт работает. В нем заложен большой потенциал, связанный с «человеческим измерением политики» [Шестопал, 2013], куда включается целый набор психологических параметров, таких как цели и ценности, мотивы и стиль политического поведения и другие, не менее важные психологические компоненты, на которые политологи начинают обращать все большее внимание. Такой интерес современной политологии к «человеческому капиталу» связан с тем, что институциональный анализ в условиях трансформирующейся политики и быстро меняющегося общества нередко либо недостаточен, либо просто не ухватывает источник происходящих перемен и не может объяснить их. Если же говорить о российской политике, для которой всегда было характерна порой даже избыточная персонифицированность, то объяснять ее в отрыве от того психологического содержания, которое входит в понятие «человеческий капитал», представляется весьма затруднительным.

Политико-социологические исследования элит

Изучение *федеральных* элит осуществлялось также социологическими методами – теоретическими и эмпирическими. Изучение *политико-административной бюрократии* [Гаман-Голутвина, 1997] и результатов реализации административной реформы в России в начале нового века [Гаман-Голутвина, 2007] показало, что вопреки распространенному суждению отнюдь не численность управленческого аппарата является главной проблемой: таковой являются неоптимальная система рекрутирования управленцев в связи с размытостью критериев набора и отсутствием продуманной системы; неоптимальное сочетание мер поощрения и контроля по отношению к госаппарату; низкий престиж государственной службы и наличие негативного образа чиновника в массовом сознании.

В 2009 г. в связи с разразившимся кризисом резко актуализировалась тематика изучения системы государственного управления РФ в условиях кризиса. Исследования [Гаман-Голутвина, 2011] показали, что целый ряд ключевых параметров – численность управленческого аппарата, его эффективность и рациональность,

низкий уровень его материального обеспечения и высокий уровень коррумпированности, качество гражданского общества, его способность и готовность взять на себя выполнение ряда функций государства – таковы, что использование стандартных подходов и алгоритмов к реформированию бюрократии как субъекта антикризисного управления малопродуктивно. Более того, эти факторы существенно отличают стартовые условия реализации административной реформы в РФ от тех, которые стимулировали осуществление аналогичных реформ в духе Нового государственного управления (НГУ) в развитых странах. Это определяет необходимость и целесообразность содержательной интерпретации существа парадигмы НГУ. Узловой проблемой в неэффективной концептуализации современного управления является упрощенное понимание роли государства в современном мире: последнее нередко интерпретируется как совокупность учреждений и организаций или как репрессивный аппарат, имманентно не поддающийся рациональному реформированию. Данные подходы были использованы, в частности, при реализации проекта по изучению критериев эффективности антикризисной политики государства в рамках масштабного общероссийского проекта «Политическая система России», инициированного Институтом общественного проектирования на средства гранта президента РФ авторским коллективом в составе Л.В. Сморгунова, А.И. Соловьева и Р.Ф. Туровского с участием и под руководством О.В. Гаман-Голутвиной.

Пермский политолог В.П. Мохов в начале второго десятилетия нового века продолжил изучение численности и социальных ролей отечественной бюрократии и определил удельный вес «административной части» политического класса в диапазоне от 9 до 11% от численности работников, занятых в государственных и муниципальных органах. Особенность социального качества чиновничества состоит в том, что в лице своего руководящего состава оно превратилось в разновидность буржуа, которые используют власть либо как рыночный товар, продаваемый на административном рынке по монопольно высокой цене, либо как инструмент извлечения административной ренты, либо как средство лоббирования групповых интересов. Сам чиновник и его должность превратились в товар, «скупка» которого ведется как группами интересов, клиентельными группами, так и политическими силами. Поэтому в современных условиях традиционные методы реорга-

низации аппарата публичной власти без изменения социальной природы государственной и муниципальной бюрократии неэффективны [Мохов, 2012].

Относительно новым направлением анализа стало изучение элитных сетей, в рамках которых управленческая бюрократия является, как правило, заметным звеном. Одним из первых обращений к изучению данного феномена стала работа А. Барда и Я. Зодерквиста [Бард, Зодерквист, 2004]. В России данное направление только начало складываться, очевидно, что оно имеет перспективу [Соловьев, 2014; Кочетков, 2013; Смирнов, 2011].

В изучении отдельных фракций современных российских элит объектом наиболее интенсивных исследовательских усилий стали *региональные элиты* России – политические и экономические. Результаты многочисленных исследовательских проектов, реализованных на протяжении 20 лет, позволили получить довольно полную картину политических процессов в региональной власти. Детальному изучению был подвергнут целый ряд аспектов регионального элитогенеза.

Исследования Р.Ф. Туrowsкого выявили специфику этапов эволюции региональных элит и обусловившие эту эволюцию факторы; базовые измерения российских региональных акторов и их отношения с Москвой [Туrowsкий, 2006]. Темой недавних исследований Туrowsкого стали особенности региональных партийных элит в современной России; региональное измерение российской оппозиции [Cameron, Turovsky, 2015; Turovsky, 2015.].

В работах В.Я. Гельмана был представлен анализ институционального дизайна и процессуальных характеристик трансформации региональных режимов в ходе изменения баланса отношений центр – регионы в постсоветский период [Россия регионов... 2000]. Изучение трансформации региональных политических режимов в системе ключевых переменных (акторы, институты, ресурсы и стратегии) подтвердили, что в пост-СССР массы являются субъектами политического процесса в той мере, в какой это могут допускать элиты. Сравнительное исследование трансформации шести региональных режимов в России 1990-х годов показало, что лишь в одном из шести исследуемых регионов массовые акторы играли определяющую роль в ходе трансформации политического режима [Россия регионов... 2000, с. 19–32]. Эти же исследования представили материал относительно способов замещения

формальных институтов неформальными практиками, а совмещение в анализе композиций акторов и используемых ими стратегий позволило представить идеально-типические модели сценариев выхода из неопределенности в процессах трансформации [Россия регионов... 2000, с. 45].

Д.Г. Сельцер обратился к изучению политической трансформации номенклатурной организации власти в России на субрегиональном уровне в период 1985–2005 гг. [Сельцер, 2007].

Предметом исследований А.М. Старостина стали система ориентаций региональных элит, динамика их структуры и этнополитические измерения, что в условиях пестрого этноконфессионального состава населения Северного Кавказа имеет особое значение. Отмечены существенные сдвиги в структурном, и в деятельности-стилевом, и в ценностном измерениях федеральных и региональных элит. Современные элиты существенно менее гетерогенны по своим политико-идеологическим ориентациям, более четко идентифицируют свои интересы; более динамичны в процессах адаптации, в том числе в формате современной публичной политики. Статус устойчивого источника рекрутирования в большей степени имеют бизнес-структуры.

Существенное значение для понимания персонального состава региональных элит и особенностей внутриэлитных отношений в российских регионах имел общероссийский проект «Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов (СВЛР)», реализованный под руководством О.В. Гаман-Голутвиной [Самые влиятельные люди... 2004; Гаман-Голутвина, 2004]. Как отмечает В.Г. Ледяев, данный проект до сих пор остается самым масштабным в истории постсоветской России [Ледяев, 2012]. Существенным научным результатом данного проекта стала разработка в содружестве политологов и математиков модели политического и экономического влияния на региональном уровне и анализ обширного эмпирического материала на основе этой модели. Проект «СВЛР» выявил целый ряд значимых характеристик регионального элитогенеза, до того не очевидных. Так, было показано, что «перетекание» властных полномочий из центра в регионы на протяжении 1990-х годов имело временный характер и было обусловлено заинтересованностью федеральной исполнительной власти в политической поддержке со стороны региональной элиты в борьбе с конкурирующими группами центральной

элиты. Были выявлены факторы, способствовавшие сохранению приоритетной роли федеральной элиты в отношениях «центр – регионы» (исторические традиции политического развития и политической культуры России, особенности ее современной политической системы, специфика участия элитных групп в масштабных процессах приватизации и перераспределения собственности, соотношение ресурсов центра и регионов, слабая корпоративная консолидация региональных элит).

Другим чрезвычайно значимым результатом исследования стало то, что по итогам данного проекта О.В. Гаман-Голутвина первой из российских и зарубежных исследователей эмпирически доказала необоснованность мифа о власти милитократии в России. Характеристика изменений политической власти в пользу формирования власти военных – «милитократии» – возникла в 2002 г. после публикации О.В. Крыштановской, выдвинувшей этот тезис [Крыштановская, 2002]. Через год появилась совместная с С. Уайтом зарубежная публикация в «Post-Soviet Affairs» [Kryshtanovskaya, 2003]. За публикацией в научном журнале последовали несколько статей и интервью в печатных и электронных СМИ, которые широко тиражировались в Интернете [см., напр.: Крыштановская, 2003; Костюков, 2003]¹. В 2005 г. в монографии Крыштановской была продемонстрирована впечатляющая динамика проникновения людей в погонах в российскую власть [Крыштановская, 2005]. Термин «милитократия» вошел в активный публицистический оборот.

Реализация проекта СВЛР показала, что вхождение бывших и действующих военных в структуры гражданской власти на региональном и федеральном уровне не имело характер превалирующего тренда. Прежде всего, политический курс губернаторов, как и федеральных политиков, не обусловлен буквально их предшествующей политической биографией. Наиболее существенное возражение против тезиса о засилье милитократии в центре и в регионах России обусловлено тем, что темпы вхождения представителей бизнеса во власть в несколько раз опережали аналогичные показатели «силовиков». Наиболее заметным трендом эволюции региональной политической элиты в первом десятилетии нового века стало массовое вхождение в ее состав представителей бизнеса и

¹ Анализ концепта «милитократия» на основе интервью некоторым отечественным и зарубежным изданиям см.: [Кузнецова, 2004].

значительный рост их политического влияния на региональном уровне. Результатом стало формирование категории «универсалов» – сообщества лиц, влиятельных как в политике, так и в экономике. В 2000-х годах в регионах произошло фактическое слияние политической и экономической элит и формирование политико-финансовых конгломератов, претендующих на роль доминирующих акторов региональной политики и экономики¹, что не дает оснований для констатации господства милитократии в России.

Позже и сами расчеты О.В. Крыштановской были подвергнуты сомнению. Американские политологи Дэвид Ривера и Шарон Ривера усомнились в методической и методологической точности подсчетов Крыштановской и провели рекалькуляцию исходных данных, а также, используя иные источники, попытались определить некоторые характеристики более широкого круга элитных персон. Перерасчет показал существенную некорректность расчетов О.В. Крыштановской [Rivera S.W., Rivera D.W., 2006; Ривера Ш., Ривера Д., 2009].

Данный сюжет имеет принципиальное значение для понимания процессов рекрутирования и ротации элит в России, поэтому важным было последующее изучение темы. В начале второго десятилетия нашего века к ней обратился А.В. Дука на основании анализа биографических данных элитного пула 6 регионов: Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, Костромская область, Ростовская область, Хабаровский край. Дука показал, что по-прежнему существенных свидетельств о наличии или складывающейся милитократии в регионах нет, что вхождение выходцев из силовых структур во властные позиции в регионах не связано с президентством Путина, а в пополнении региональной элиты силовиками можно зафиксировать достаточное разнообразие во времени [Дука, 2012].

Следует отметить, что схожие выводы были получены на материалах и других эмпирических проектов. Так, на протяжении нескольких лет было осуществлено наиболее масштабное в стране исследование депутатского корпуса постсоветской России, кото-

¹ К сегодняшнему дню ситуация изменилась: федеральный центр полностью вернул себе контроль за экономическими ресурсами регионов. Сегодня в еще в большей мере, чем в ранее, очевидно: на часах в российских регионах – время московское.

рое было частью общеевропейского проекта «Парламентское представительство в Европе. 1848–2014», в орбиту которого было вовлечено более 20 европейских стран. Предметом исследования в рамках этого проекта стало парламентское представительство на национальном уровне; при этом предмет исследования был рассмотрен в процессе полуторавековой эволюции. Автор этих строк была руководителем российской части проекта, предполагавшей исследование особенностей российского парламентаризма. По итогам реализации проекта было опубликовано несколько монографий за рубежом [Best, Cotta, 2007; Gaman-Golutvina, 2014] и в России. Исследование показало, что во всех созывах Государственной Думы ФС РФ удельный вес предпринимателей не только многократно превышал удельный вес этой категории в социальной структуре населения и удельный вес других профессиональных категорий в российской Думе, но также превышал соответствующие европейские показатели и определял доминирование в России функционального представительства по сравнению с территориальным и партийным [Gaman-Golutvina 2014; Гаман-Голутвина, 2006 б; Пляйс, Гаман-Голутвина, 2006]. Аналогичные данные на другом материале получил выдающийся отечественный исследователь С.П. Перегудов [Перегудов, 2011].

Интенсивный интерес крупного бизнеса к политике побудил исследователей к изучению корпоративных элит [Кочетков, 2012], а активное вхождение бизнеса в региональные управленческие структуры стимулировало исследовательский интерес к отношениям крупнейших игроков региональной политики – власти и бизнеса, что стало предметом изучения в работах Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой [Лапина, Чирикова, 2000]. Исследование системы отношений региональных властей и групп интересов [Особенности активности групп... 2000] дало основание Н.Ю. Лапиной выделить четыре основных модели отношений властных элит регионов с элитой бизнеса (модели «патронажа», «партнерства», «приватизации власти», «борьба всех против всех»), подвергнув детальному анализу использовавшиеся игроками ресурсы и технологии [Лапина, 1997]. А.Е. Чирикова идентифицировала в качестве наиболее распространенного типа организации власти в российских регионах модель корпоративно-бюрократической полиархии, выделив основные типы управленческих команд областных администраций (интегрированные, фрагментированные и коалиционные). Под-

твердив доминирование неформальных практик, Чирикова отметила, что в 2000-е годы модель явного доминирования неформальных практик в управлении региональными процессами сочетается с моделью «двойного действия», при которой формальные и неформальные практики сосуществуют одновременно и дополняют друг друга [Чирикова, 1997]. Результаты своих многолетних исследований региональных элит А.Е. Чирикова обобщила в работе «Региональные элиты» [Чирикова, 2010].

В недавних работах А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев и Д.Г. Сельцер обратились к эмпирическому изучению организации власти в малых городах на примере двух небольших городов Пермского края. Исследование показало, что структура власти очень узка (имеет элитистский характер). Конфигурация наиболее влиятельных акторов в городах отражает доминирование двух групп – руководства исполнительной власти и представителей крупного бизнеса. В этой паре лидирует политическая (административная) элита. Ключевыми фигурами являются мэры, хотя в иных городах вполне вероятно лидерство руководителей районных администраций, обладающих сопоставимыми или большими ресурсами влияния. Крупный бизнес остается значимым актором городской политики. Возможности и политический потенциал других групп весьма ограничены; при этом они существенно варьируются и могут меняться в зависимости от персональных характеристик их представителей. Взаимодействие между акторами весьма разнообразно, динамично и обуславливает возможность складывания различных видов коалиций. Коалиции оказались весьма распространенными, довольно прочными и вполне эффективными. Таким образом, несмотря на авторитарную природу российского политического режима, накладывающую ограничения на различные аспекты городской политики, локальные акторы сохраняют значительную автономию [Ледяев, Чирикова, 2015; Ледяев, Чирикова, Сельцер, 2014 а; Ледяев, Чирикова, Сельцер, 2014; Чирикова, Ледяев, Сельцер, 2014 б].

Осуществленное А.В. Дукой и его коллегами по Социологическому институту в Санкт-Петербурге изучение ценностных ориентаций региональных элит (на примере Санкт-Петербургского и Ленинградского властных сообществ) [Власть и элиты, 2012; Властные структуры... 2012; Российские властные институты... 2011; Региональные элиты... 2011; Российская региональная эли-

та... 2002] позволило определить основные дифференцирующие переменные: принадлежность к поколению, условия семейной социализации, профессиональная социализация и опыт деятельности во властных структурах. Исследователями выявлена связанность политических и экономических ориентаций; определено (при сравнении с данными массовых опросов), что в целом элита, по сравнению с населением, в большей степени ориентирована на рыночные механизмы в экономике. Однако уровень терпимости в отношении политических оппонентов остается достаточно низким; пока рано говорить о наличии единых, разделяемых большинством региональной элиты ценностей; политическая культура остается весьма гетерогенной.

Содержательная «объемность» отечественной региональной элитологии определена тем, что объектом анализа стали также идеологические инструменты легитимации власти региональных лидеров эпохи 1990-х годов (работы А.К. Магомедова) [Магомедов, 2000; Магомедов, 2012]. Целый ряд существенных аспектов – характеристики местных элит, исторические аспекты формирования региональных властей в стране – стали предметом исследований В.П. Мохова [Мохов, 2012; Мохов, 2010; Мохов, 2008; Мохов, 2003]. На конкретном историческом материале В.П. Моховым проведен социополитический анализ динамики региональной номенклатуры России за послевоенный период. На основе статистического анализа социальных характеристик, биографий и карьерных стратегий региональных руководителей выявлены основные тенденции социальной динамики данной группы по основным социально-демографическим параметрам, образованию, а также параметрам политической социализации.

Несомненно, региональные элиты представляют собой наиболее основательно изученный сегмент российских элит. Особенностью данных исследований стала множественность использовавшихся методов: глубинные неформализованные интервью, экспертные и массовые опросы, case-studies, анализ биографий, включенное наблюдение и др.

Существенное значение для системного осмысления темы имел первый в отечественной элитологии проект по изучению политического класса. Эта тематика крайне редко встречается и в мировой науке – не случайно изданная в 2012 г. по итогам проекта монография стала первой и пока единственной в России по данной

теме [Гаман-Голутвина, 2012]. Политический класс в данной монографии определяется как сообщество лиц, профессионально работающих в сфере политики. Иначе говоря, *политический класс есть сообщество людей, живущих «для политики» и «за счет» политики* [Вебер, 1990], что существенно отличает их от *политиков «по случаю»* и от политиков *«по совместительству»*. Полагаем, что структура политического класса представляет собой концентрические круги, окружающие ядро, в качестве которого выступает политическая элита. Последняя являет собой многосоставное образование, включая высший эшелон исполнительной, законодательной и судебной властей; участвующих в политике влиятельных предпринимателей; немногочисленных в современном обществе представителей аристократии; экспертов высокого уровня; немногочисленных влиятельных представителей медиасферы. В качестве «спутников», располагающихся на окружающих ядро орбитах, выступают различные категории политического класса: управленческая бюрократия среднего уровня – центральная, региональная и местная; политические эксперты; политические консультанты; политические технологи; партийные функционеры; профессиональные лоббисты; высший эшелон групп давления; политические журналисты. Доминирование той или иной категории определяется политической конфигурацией государства, историческими традициями политического развития. Знание состава политического класса информативно: он многое может дать для понимания сущности политического режима. При этом границы самого политического класса размыты, а грани между его отдельными категориями предельно подвижны. Общность политического класса и политической элиты определяется их локализацией в сфере политики; в качестве критерия их различения выступают их функции в процессе принятия решений: политическая элита является непосредственным субъектом принятия решений, тогда как в задачи политического класса входит сопровождение этого процесса.

Данное исследование сочетало изучение теоретико-методологических аспектов и рассмотрение конкретных сегментов политического класса, включая его ядро – политическую элиту. Другой особенностью данного проекта было сочетание теоретического и компаративного анализа с эмпирическими методами (социологические, статистические, компаративные).

Политико-компаративные исследования элит

В свое время Г.-В.-Ф. Гегель писал, что сущность лучше всего познается при пересечении ее пределов, т.е. углубленное познание предполагает сопоставление сущности с тем, что ею не является. Не случайно сравнительный метод в политической науке является одним из наиболее востребованных. Приведем интересный факт: на состоявшейся в 2015 г. 111-й Ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки порядка 40 % исследований было так или иначе выполнено в рамках сравнительной политологии.

В нашей стране компаративное изучение элит представлено, к сожалению, немногими авторами, что объясняется, по-видимому, организационными и иными сложностями в проведении политико-компаративных исследований. Однако, несмотря на немногочисленность, данное направление перспективно. Объектом изучения выступали политико-административные элиты и административные реформы; элиты массмедиа; персональный состав национальных легислатур; отношения центра и регионов; политические элиты постсоветских стран и стран БРИК; модели политического лидерства.

Хронологически первым политико-компаративным исследованием стало кросстемпоральное исследование [Гаман-Голутвина, 2006]. В целом данный формат очень редок. К сожалению автора этих строк, в отечественной компаративистике оно остается, пожалуй, единственным исследованием такого рода. Реализация эвристически сложных исследовательских задач, касающихся компаративной идентификации причинно-следственных связей в формировании властных сообществ, предполагала использование целого ряда стратегий и методов, прежде всего формата кросстемпорального анализа. Масштабное исследование эволюции властных сообществ России на протяжении периода почти в 1000 лет включало построение теоретической модели анализа, позволяющей сопоставлять различные по ряду существенных признаков, но единые по структурно-функциональным характеристикам модели элитообразования; идентификацию и сравнительный анализ механизмов и каналов рекрутирования властных групп в рамках различных форм отечественной государственности (Киевская Русь, Московское государство, Российская империя, СССР, Российская Федера-

ция) с обоснованием единиц анализа; выявление моделей рекрутирования в различных социальных контекстах; определение базовых внутренних противоречий, влияющих на трансформацию властных групп и их последующую эволюцию; сравнительное изучение персонального и качественного состава властных групп, их структуры и внутриэлитных отношений на каждом этапе эволюции; выявление причинно-следственных связей и общих закономерностей эволюции властных групп, трансформационных тенденций и перспектив дальнейшего развития.

Благодаря изысканиям Р.Ф. Туровского, осуществившего изучение системы отношений центр – регионы в контексте сравнительного анализа российского и мирового опыта, сравнительные российские региональные исследования были «вписаны» в мировую палитру изучения центр – региональных отношений [Туровский, 2006 а; Туровский, 2006 б]. Были исследованы особенности российской модели отношений центр – регионы, которые заключаются в изменчивости баланса этих отношений. Одной из ключевых институциональных предпосылок для изменчивости этого баланса стала расплывчатость положений российской Конституции 1993 г., которая отличается от всех принятых в XX в. конституций федеративных государств тем, что устанавливает только общие рамки отношений центр – регионы. Это позволяет федеральной элите периодически менять систему этих отношений [Туровский, 2006 б, с. 226–227]. Р.Ф. Туровский в ряде работ представил детальный анализ этапов эволюции отношений центр – регионы, содержания и специфики этой эволюции.

Представляют несомненный интерес сравнительные исследования Н.Ю. Лапиной, которая сопоставляет сложившиеся в России и Франции методологические подходы; сравнивает функционирование социальных лифтов в России и Франции; рассматривает особенности восприятия двумя обществами друг друга [Политические институты... 2014].

Важным импульсом компаративных исследований стало участие отечественных политологов в международных проектах. Так, 15 лет продолжался вышеупомянутый общеевропейский мегапроект «Парламентское представительство в Европе. 1848–2012 гг.», который показал, что развитие парламентаризма в России сегодня во многом определяется теми же тенденциями, что и в других странах Европы. Наряду с тенденцией к профессионализа-

ции парламентской деятельности к ним относится и тенденция к воспроизводству традиционных моделей парламентского представительства (хотя сами модели существенно разнятся), действие которой в немалой степени обуславливает специфику современного российского парламентаризма. При этом, несмотря на близость российского депутатского корпуса к европейским аналогам, его формирование определяется несколько иными принципами. Если в большинстве стран Европы доминирующую роль играет партийно-политическое и отчасти территориальное представительство, то в России – функциональное.

Значимым опытом стал сравнительный анализ административных реформ в постсоциалистических странах [Административные реформы... 2008; Gaman-Golutvina, 2009]. В опубликованной по итогам проекта книге рассмотрены осуществленные в постсоциалистических странах административные реформы в широком контексте отношений власти и господства. Избранный ракурс позволил выявить причины, определившие различия результатов реформ в странах Восточной и Центральной Европы, с одной стороны, и в постсоветских государствах – с другой. Используя междисциплинарные методы и сравнительный анализ, авторы привлекли философские, социологические, политологические и экономические подходы, а также результаты первичных и вторичных эмпирических исследований (в частности, углубленные интервью с представителями управленческих структур и экспертами, опыт включенного наблюдения и т.д.). Авторы анализируют актуальные российские тенденции посредством сравнения с опытом реализации административных реформ и трансформационных преобразований на Украине, в Болгарии, Польше, Германии и США.

Данная тематика получила развитие в последующих публикациях. В частности, критическое освещение получила система государственного управления РФ в качестве инструмента антикризисной политики [Элиты и общество, 2011]. Важным фактором успеха подобных публикаций явилась кооперация отечественных исследователей с зарубежными коллегами. Так, в упомянутую монографию были включены тексты ведущих в международном масштабе ученых Дж. Хигли (США), Х. Беста, У. Хоффман-Ланге (Германия), М. Котты (Италия), Н. Хайоза (Швейцария).

Еще более представительным стал состав международного коллектива авторов издания на русском и английском языках «По-

литические элиты в старых и новых демократиях» [Политические элиты... 2012]. Среди авторов – профессора Н. Хайоз (Швейцария); Дж. Хигли (США), председатель исследовательского комитета «Политические элиты» Международной ассоциации политических наук; Урсула Хоффманн-Ланге (Германия); Андраш Бозоки (Венгрия); Хайнрих Бест (Германия); Михаэль Эдингер (Германия); Яцек Василевски (Польша); политолог Дж. Кьеза (Италия), Ирмина Матоните (Литва); Владас Гайдис (Литва); Рейн Мюллерсон (Эстония) и др. Рассматриваются не только структурно-функциональные изменения, через которые элиты как конечные драйверы социальных изменений проходят в условиях трансформации общества, но также и те вызовы, с которыми сталкиваются властные группы.

Другой международный проект был посвящен сравнительному изучению политического лидерства в различных культурных средах [Gaman-Golutvina, 2009].

Опыт компаративного изучения стран, объединенных географической близостью, общностью политических систем или политических культур является традиционным форматом исследования. В качестве прецедента таких исследований с участием отечественных специалистов можно привести реализованный под эгидой университета Фрибур (Швейцария) проект по сравнительному изучению конфигурации и роли массмедиа в постсоциалистических странах, результаты которого были изложены в обобщающей монографии, признанной лучшей публикацией российского политолога за рубежом [Media, freedom... 2009]. Этот проект также позволил избавиться от ряда не соответствующих реальности мифов. Так, оказалось, что в год проведения исследования темпы распространения Интернета были наивысшими в странах, которые, как правило, не относят к категории демократических, – в Беларуси и Китае.

В другом исследовании подобного формата объектом исследования стали элиты стран СНГ; была представлена типология их властных групп [Gaman-Golutvina, 2008; Gaman-Golutvina, 2007]. Еще одним перспективным объектом исследования предстали управленческие группы стран БРИКС [Гаман-Голутвина, 2015].

Опыт компаративного изучения элит и лидерства был обобщен в недавно изданном учебнике [Гаман-Голутвина, 2015].

Внутриэлитные отношения: Террариум единомышленников?

Изучение внутриэлитных отношений затронуло такие сюжеты, как взаимодействие элит и групп интересов; отношения между политическими и бизнес-элитами; технологии межэлитных коммуникаций.

Центральным сюжетом в изучении различных фракций российских элит стало взаимодействие основных игроков – политических и бизнес-элит, поскольку именно эти два актора оказались основными бенефициариями происшедшей на протяжении последних 15 лет политико-экономической трансформации. Тема получила основательную разработку в публикациях И.М. Бунина, А.Ю. Зудина, Н.Ю. Лапиной, С.П. Перегудова, И.С. Семененко и др. [Бизнес... 2006; Бунин, 2003; Перегудов, Лапина, Семененко, 1999; Перегудов, 2003 ; Перегудов, 2006]. В целом исследователи вполне солидарно оценивали перипетии отношений государство – бизнес, будучи солидарны в признании характера эволюции отношений как перехода от модели «приватизации» государства, сложившейся в 1990-е годы, к формуле «государственного корпоративизма», подразумевающей возможности власти не выбирать преференциальных партнеров для диалога, но также контролировать в определенной степени артикуляцию их требований [Перегудов, с. 29]. Упомянутые эксперты также вполне единодушны в признании высоких издержек этой модели и, соответственно, весьма негативно оценивают ее возможные последствия. Анализ различных фракций внутри отечественного бизнес-сообщества показывает расхождение ориентаций различных его сегментов. Так, С.П. Перегудов выделяет две основных группировки корпоративного капитала, условно определяемых как неолиберальная (представляющая преимущественно корпорации сырьевого сектора) и неостатистская (значительная часть бывшего ВПК, машиностроения, ряда других отраслей обрабатывающей промышленности), которые, в свою очередь, неоднородны и включают приверженцев умеренных и радикальных модификаций каждой из экономических идеологий.

Эксперты констатируют, что взаимодействие бизнеса и бюрократии происходит в основном по линии распределения и перераспределения собственности [Перегудов, 2007], а переход от одной фазы перераспределения собственности к другой ведет к

изменению не только характера взаимодействия «игроков», но и их состава. Любопытно, что оценка экспертами данного процесса заставляет вспомнить позицию американских элитистов второй половины XX в., которые, в противовес плюралистам, настаивали на характеристике современной власти как единого конгломерата, объединяющего представителей бизнеса и политического истеблишмента. Сегодня С.П. Перегудов пишет: «Большой бизнес и госуправленческие кадры сплавиваются, а где-то и сливаются воедино, образуя тот самый «правлящий класс», который вершит делами страны как бы от имени всего общества», тогда как общество обнаруживает себя отстраненным от каких бы то ни было управленческих функций. Даже организации гражданского общества, формально вовлеченные в систему государственных учреждений, реального участия в политическом управлении не принимают [Перегудов, 2008].

Вышесказанное дает основания экспертам квалифицировать преобладающие ныне тенденции как государственный корпоративизм, суть которого – во встраивании крупного бизнеса (не только государственного, но и частного) в вертикаль власти. Впрочем, эксперты неоднозначно характеризуют государственный корпоративизм и как концепцию, и как общественно-политическую практику, поскольку он оказывает в некоторых случаях весьма позитивное воздействие на национальное развитие. В частности, позитивный эффект данного феномена наблюдался в 70-е годы прошлого века в Южной Корее, где и государство, и крупный бизнес были нацелены на поступательный качественный рост экономики и превращение страны в современное, промышленно развитое государство. Наиболее существенные изъяны данной системы эксперты усматривают в ее неустойчивости вследствие слабости ее институциональных оснований.

В ряде публикаций получили освещение относительно новые тенденции в эволюции отношений бизнеса, власти и общества. В том числе это формирование новых стратегий бизнеса во взаимодействии с обществом и властью в целях повышения собственной репутации как ответственного «корпоративного гражданина» [Перегудов, Семененко, 2006].

Особенностью аналитического подхода А.Ю. Зудина является совмещение институциональных характеристик российских элит и параметров постсоветских политических режимов. А.Ю. Зудину

принадлежит получившая широкое распространение характеристика трансформации политического режима России в начале 2000-х годов как перехода от полицентрического режима к моноцентрическому. В последних работах А.Ю. Зудин, опираясь на разработанную Дж. Хигли типологию элит, представил анализ эволюции федеральной политической и бизнес-элит [Зудин, 2008]. Сильной стороной исследований А.Ю. Зудина следует считать также использование сценарного подхода [Зудин, 2007].

Важным сюжетом в исследовании внутриэлитных отношений стало изучение оснований внутриэлитной консолидации. Исследования показали, что несмотря на разнообразие данных оснований наиболее значимым принципом выступают клановые отношения, что определило повышенный интерес к изучению клановых образований на федеральном и региональном уровне. Оживленная дискуссия в литературе показала, что несмотря на относительную слабость собственно родственных и семейных отношений в рамках российских элитных кланов (составляющих существо клановых отношений) именно концепт клана является наиболее адекватным для характеристики российских элитных групп. Произошедшие на протяжении последнего десятилетия в структуре российской элиты изменения определяются переходом от системы «разделения кланов» (ставшей суррогатом разделения властей) к модели вертикали власти и встроенности разнообразных кланов в систему вертикали власти.

Изучение технологий внутриэлитных отношений в России показало, что наиболее устойчивой формой этих отношений были конфликты, разделявшие даже идеологических единомышленников и обретавшие порой более значительный масштаб, чем даже конфликты по линии элиты-массы. Не случайно метафора одной из знаковых публикаций 1990-х годов о российской элите – «террариум единомышленников» – не только почти мгновенной стала общепринятой, но широко используется и сегодня [Гаман-Голутвина, 2009].

Баланс достижений и проблем

Несомненно, в целом баланс достижений отечественной элитологии и ее проблем склоняется в пользу первых, причем с ощутимым перевесом. Можно констатировать формирование оте-

чественной школы элитологии, обретшей к настоящему времени статус самостоятельного направления. Совокупность значительного числа работ представляет довольно подробный портрет высшего эшелона российского общества. При этом, несмотря на существенное разнообразие используемых методологических подходов и методов, на наш взгляд, можно говорить о консенсусе исследователей по ключевым вопросам (понятийный аппарат и др.).

Среди позитивных результатов следует отметить также вовлеченность отдельных отечественных элитологов в международные исследовательские сети и проекты и их сотрудничество с рядом ведущих мировых центров по изучению элит в США, Италии, Германии, Норвегии, Франции.

Однако, отдавая дань позитивным результатам развития отечественной элитологии, нельзя не отметить и определенные трудности этого процесса. Это, прежде всего, доминирование описательности во многих работах, слабое знание современных зарубежных разработок, недостаток эффективных эвристических моделей интерпретации процессов элитогенеза. Можно отметить также наблюдающееся порой рассогласование теоретических и эмпирических подходов: далеко не всегда предложенные теоретические конструкции выдерживают эмпирическую проверку, а собранные эмпирические данные не всегда получают адекватную концептуальную интерпретацию. Последнее нередко характеризует социологические исследования, результаты которых порой похожи на статистические отчеты, интерпретированные в публицистическом духе или обходящиеся вовсе без внятных интерпретаций. Не случайно множественность откровенных заимствований касается именно методологических схем интерпретации процессов элитогенеза.

На наш взгляд, отмеченные сложности во многом обусловлены трудностями роста – научные революции не случаются ежегодно, они предстают результатом многолетнего кропотливого труда. Экстенсивное развитие и использование существующего эвристического потенциала – необходимый и естественный этап, за ним следует генерирование новых идей, концепций и, надеемся, теорий, вне которых полноценное и эвристически эффективное осмысление сложных политических процессов проблематично.

Перспективными направлениями дальнейших исследований элит представляются следующие: разработка новых методологиче-

ских подходов и исследовательских стратегий, позволяющих изучать современные элиты как сложносоставные и высокодинамичные образования; построение инновационных моделей теоретического и эмпирического анализа властных групп; сравнительное изучение механизмов и каналов рекрутирования.

Список литературы

- Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. – М.; Воронеж: Изд-во ИПК, 1996. – 223 с.
- Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.
- Ашин Г.К.* Введение // Элитологические исследования: Ежегодник – 2005: Сборник статей. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2006. – С. 3–9.
- Ашин Г.К.* Современные теории элиты: Критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.
- Ашин Г.К.* Элитология: Учебное пособие. – М.: МГИМО-Университет 2005. – 544 с.
- Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. со шведского языка. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
- Бизнес, несмотря ни на что. 40 историй успеха / Отв. ред. Бунин И.М. – М.: ЦПТ, 2006. – 448 с.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. – М.: Мысль, 1985. – 384 с.
- Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика. – М.: РОССПЭН, 2006. – 208 с.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
- Властные структуры и группы доминирования: Материалы 10-го Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2012. – 520 с.
- Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – 466 с.
- Гаман-Голутвина О.В.* Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис: Политические исследования. – М., 2007. – № 4. – С. 24–45.
- Гаман-Голутвина О.В.* Метафизика элитных трансформаций в России // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 4. – С. 23–40.
- Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006 а. – 448 с.
- Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис: Политические исследования – М., 2004. – № 2. – С. 6–19; № 3. – С. 22–32.

- Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I, II) // Полис: Политические исследования. – 2006 б. – № 2. – С. 27–39; № 3. – С. 67–74.
- Гаман-Голутвина О.В. Террариум единомышленников // Независимая газета. – 02.06.1999.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. – М.: РАГС, 1996. – 416 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительной перспективе. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 224–255.
- Гаман-Голутвина О.В. Элитообразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 93–120.
- Политические элиты в старых и новых демократиях / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 495 с.
- Сравнительная политология: Учебник / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект-пресс. – М., 2015. – 752 с.
- Элиты и общество в сравнительном измерении / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. – М.: РОССПЭН, 2011. – 430 с.
- Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. – 272 с.
- Дука А.В., Быстрова А.С. Коррупция в институционализации российской элиты // Финансы и бизнес. – М., 2006. – № 1. – С. 57–67.
- Дука А.В. Элита третьего пути: вызовы и ответы российской элиты // Властные элиты современной России в процессах политической трансформации / Отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2004. – 520 с.
- Дука А. Исследование элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 399–436.
- Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных элитах // Властные структуры и группы доминирования: Материалы 10-го Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2012. – С. 94–120.
- Дука А.В. Эволюция константы: российские элиты в историческом контексте // Полис: Политические исследования. – М., 2008. – № 6. – С. 180–185.
- Зудин А.Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. – М., 2003. – № 2. – С. 67–83.
- Зудин А.Ю. «Советское наследие» и особенности первичной дифференциации // Россия: вчера, сегодня, завтра. С точки зрения экспертов. – М.: ЦПТ, 2008. – С. 35–52.
- Зудин А.Ю. После Октября // НГ-сценарии. – М., 2007. – 23 декабря. – С. 3.
- Институционализация российской политико-административной элиты... элиты в Санкт-Петербурге // Полития. – М., 2003. – № 2. – С. 126–149.

- Костюков А.* Власть цвета хаки: Интервью с О. Крыштановской // Независимая газета. – М., 2003. – 19 авг. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2003-08-19/1_politelite.html (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Кочетков А.П.* Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 5. – С. 8–20.
- Кочетков А.П.* Нетократизм // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 4. – С. 111–121.
- Кочетков А.П.* Корпоративные элиты. – М.: РОССПЭН, 2012. – 220 с.
- Кочетков А.П.* Демократия и элиты. – М.: ПрофЭко, 2009. – 176 с.
- Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – С. 280–283.
- Крыштановская О.* Кадры: Люди Путина // Российская газета. – М., 2003. – 30 июля – С. 3.
- Крыштановская О.* Интервью на радиостанции «Эхо Москвы» // Эхо Москвы. – М., 2003. – 3 июля. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/22667.html> (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Крыштановская О.* Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. – М., 2002. – Т. 7, N 4. – Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2002/4/ProEtContra_2002_4_09.pdf (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Кузнецова Е.С.* Путинская элита: модель «милитократии» Ольги Крыштановской // Политанализ.ру. – М., 2004. – 26 июля. – Режим доступа: http://www.politanaliz.ru/articles_354.html (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Лапина Н.Ю.* Региональные элиты России / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. – М., 1997. – 63 с.
- Лапина Н.Ю.* Региональные элиты России: кто правит на местах // Россия и современный мир. – М., 1998. – № 1. – С. 98–120.
- Лапина Н.Ю.* Бизнес и политика в современной России / РАН. ИНИОН. – М., 1998. – 119 с.
- Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.* Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор / РАН. ИНИОН. – М., 2000. – 198 с.
- Политические институты России и Франции: традиции и современность: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН; Отв. ред.: Д.В. Ефременко, Н.Ю. Лапина. – М., 2014. – 256 с.
- Ледяев В.Г.* Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы // Административная реформа в контексте властных отношений: сравнительная перспектива / Под ред. А.Н. Олейника, О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 58–96.
- Ледяев В.Г.* Власть. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
- Ледяев В.Г.* Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – М., 2010. – № 2. – С. 23–51.
- Ледяев В.Г.* Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. – 472 с.
- Ледяев В.Г., Чирикова А.Е.* Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. – М., 2015. – № 3. – С. 6–32.

- Ледяев В.Г., Чирикова А.Е., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис: Политические исследования. – М., 2014 а. – № 2. – С. 88–105.
- Ледяев В.Г., Чирикова А.Е., Сельцер Д.Г. Локальные элиты в малых российских городах: формальные и неформальные ресурсы власти // Про нунс. Современные политические процессы. – М., 2014 б. – Т. 13, № 1. – С. 12–162.
- Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии: Модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М.: МОНФ, 2000. – 224 с.
- Магомедов А.К. Элита и идеология. Как правящие элиты создают смыслы и систему идеологических координат // Властные структуры и группы доминирования / Под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2012. – С. 190–211.
- Мохов В.П. Региональная политическая элита России, (1945–1991). – Пермь: ПермКИ, 2003. – 240 с.
- Мохов В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты / А.В. Дука (ред.). – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 4–18.
- Мохов В.П. Введение в элитологию российского общества. – Пермь: ПНИПУ, 2007. – 231 с.
- Мохов В.П. Местная политическая элита в России: понятие, структура, численность // PolitBook. – М., 2012. – № 4. – С. 19–33.
- Мохов В.П. Региональные и местные элиты: трансформация статуса в период политических реформ 2000-х годов // Политика и общество. – М., 2010. – № 8 (74). – С. 32–37.
- Мохов В.П. Элитная консолидация: Государство и региональные элиты в России от Ельцина до Путина (По материалам дискуссии) // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен: Сб. науч. тр. // РАН. ИНИОН – М., 2008. – С. 219–240.
- Образы российской власти. От Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2008. – 416 с.
- Перегудов С.П. Бизнес и власть в России: к новой модели отношений // Властные элиты современной России. – Режим доступа: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_40_aId_297056.html (Дата посещения: 05.02.2016.)
- Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 168 с.
- Перегудов С.П. Конвергенция по-русски: «золотая середина» или остановка на полпути? // Полис: Политические исследования. – М., 2008. – № 1. – С. 91–108.
- Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003. – 352 с.
- Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. – М.: УРСС, 1999. – 352 с.
- Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство как новая форма отношений бизнеса, общества и власти / РАН. ИМЭМО. – М., 2006. – 194 с.
- Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте. Институты и механизмы взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.

- Перегудов С.П.* Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // Полис: Политические исследования. – М., 2007. – № 3. – С. 78–91.
- Перспективы развития политической психологии: новые направления / Под общ. ред. Е.Б. Шестопал. – М., 2014. – 488 с.
- Пляйс Я.А., Гаман-Голутвина О.В.* Парламентаризм в России и Германии. – М.: РОССПЭН, 2006. – 584 с.
- Политический класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская ассоциация политической науки: Российская политическая энциклопедия, 2012. – 320 с.
- Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России: Сб. науч. статей / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003. – С. 162–186.
- Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2012. – 423 с.
- Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.
- Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской элите // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 5. – С. 149–157.
- Российская региональная элита в трансформирующемся обществе // Transition – Erosion – Reaktion: zehn Jahre Transformation in Osteuropa / Dittmar Schorkowitz (Hrsg.) – Frankfurt am Main; Berlin etc.: Lang, 2002. – S. 10–37.
- Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2011. – 326 с.
- Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. – М.: Весь мир, 2000. – 375 с.
- Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов / Отв. ред. Гаман-Голутвина О.В. – М.: ИСАНТ, 2004. – 218 с.
- Сельцер Д.Г.* Взлеты и падения номенклатуры. – Тамбов: ОГУП Тамбовполиграфиздат, 2006. – 592 с.
- Смирнов В.А.* Политические элиты в трансформирующихся обществах // Политический класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская ассоциация политической науки: Российская политическая энциклопедия, 2012. – С. 78–112.
- Смирнов В.А.* Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980–1990-х гг.: роль «политиков морали» // Балтийский регион. – СПб., 2011. – № 4 (10). – С. 18–31.
- Соловьев А.И.* Сетевая этика правящего класса в системе государственного управления // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интер социс, 2014. – Т. 1. – С. 41–55.
- Старостин А.М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. – Ростов-н/Д.: СКАГС, 2003. – 365 с.

- Шерковин Ю.А., Столбун Е.Б. Ленинское наследие и психология политики // Вопросы психологии. – М., 1980. – № 5. – С. 5–14.
- Тощенко Ж.Т. Как же назвать тех, кто правит нами? // Независимая газета. – 1998. – 31.12. – С. 4–5.
- Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: Учебное пособие. – М.: ГУ ВШЭ, 2006 (а). – 792 с.
- Туровский Р.Ф. Центр и регионы. Проблемы политических отношений. – М.: ГУ ВШЭ, 2006 б. – 400 с.
- Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 342 с.
- Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности / РАН. Институт социологии. – М., 1997. – 201 с.
- Чирикова А.Е., Ледаев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 88–105.
- Чирикова А.Е. Региональные элиты. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 271 с.
- Чирикова А.Е. Существует ли в современной России элита? // Полис: Политические исследования. – М., 2008. – № 6. – С. 99–112.
- Шестопал Е.Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 6. – С. 6–8.
- Шестопал Е.Б. Личность и политика. Критический очерк современных западных концепций политической социализации. – М.: Мысль, 1988. – 294 с.
- Шестопал Е.Б. Политическая психология. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 427 с.
- Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Выпуск первый: Сб. материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. – 422 с.
- Burton V., Higley J. Invitation to elite theory. The basic contentions reconsidered // Power elites and organization / W.G. Domhoff, Th. Dye (eds). – Beverly Hills: Sage, P.U.F., 1987. – P. 219–238.
- Cameron R., Turovsky R.F. Centralized but fragmented: the regional dimension of «Russia's party of power» // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2015. – Vol. 23, N 2. – P. 205–223.
- Democratic representation in Europe. Diversity, change, and convergence / H. Best, M. Cotta (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2007. – 552 p.
- Elite configurations at the apex of power / Ed. by M. Dogan. – Brill; Leiden; Boston, 2003. – 388 p.
- Elites, crises and the origins of regimes / M. Dogan, J. Higley (eds.). – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publisher, 1998. – 266 p.
- Field G.L., Higley J. Elitism. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1980. – 280 p.
- Gaman-Goluvina O. Yeltsin and Putin elites compared // Soziologische Zeitgeschichte. – Berlin, 2007 a. – P. 298–299.

- Gaman-Golutvina O.* Administrative reform in Russia: preliminary results // changing power relations without changing power model / Ed. by A. Oleinik. – N.Y.: Routledge, 2009. – P. 38–54.
- Gaman-Golutvina O.* Parliamentary representation and MPs in Russia: historical retrospective and comparative perspective // Parliamentary elites in Central and Eastern Europe / Ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. – L.: Routledge, 2014. – P. 241–260.
- Gaman-Golutvina O.* Political Elites in the Post-Socialist countries // Elites: New Comparative Perspectives / Ed. by M. Sasaki. – Leiden; Boston: BRILL, 2008 a. – P. 123–142.
- Gaman-Golutvina O.* Political elites of the commonwealth of independent states // Comparative Sociology. – Amsterdam, 2007 b. – N 6. – P. 136–157.
- Gaman-Golutvina O.* Political leadership and political elites in Russia // Political leadership: New comparative perspective. – Ashgate, 2008 b. – P. 269–287.
- Kryshтанovskaya O., White S.* Putin's militocracy // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2003. – Vol. 19, N. 4. – P. 289–306.
- Media, freedom and democracy / M. Dyczok, O. Gaman-Golutvina (eds.). – Bern; Berlin; Brussels; Frankfurt am Main; N.Y.; Oxford; Wien: Peter Lang, 2009. – 318 p.
- Parliamentary representatives in Europe 1848–2000 / H. Best, M. Cotta (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – 568 p.
- Rivera S.W., Rivera D.W.* The Russian elite under Putin: Militocratic or bourgeois? // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2006. – Vol. 22, N 2. – P. 125–145.
- Turovsky R.F.* The systemic opposition in authoritarian regimes: A case study of Russia's regions // Civil society awakens? The systemic and non-systemic opposition in the Russian Federation: National and regional dimensions / Ed. by C. Ross. – L.: Ashgate, 2015. – P. 121–138.